

Лин Син всё-таки не был человеком, выросшим в этой эпохе. К своему нынешнему полу и значению метки фертильности он не испытывал особого трепета или почтения. Он не считал, что если кто-то увидит эту метку, мир тут же рухнет.

И всё же сейчас ему было неловко. Не из-за себя - он боялся, что неловко станет Шэнь Хуэю.

С закрытым ртом Лин Син не мог говорить. Он смотрел на Шэнь Хуэя и видел, как тот нахмурился: красивое лицо оставалось холодным, без лишних эмоций, словно каменное. По выражению лица невозможно было понять, о чём тот думает.

Лин Син неуверенно отодвинулся назад, убирая лицо из-под ладони Шэнь Хуэя.

— Эрлан... ты... увидел? — тихо спросил он.

Рот всё ещё болел, поэтому голос получился едва слышным.

Шэнь Хуэй, услышав вопрос, невольно вспомнил только что увиденную картину. Покрасневший кончик языка, слегка высунутый и приподнятый. И под корнем языка едва заметная, смутно угадываемая метка фертильности.

Он осознал, что заметил что-то лишнее, и рефлекторно прикрыл рот гера ладонью - это было не то, на что он имел право смотреть.

— Старшая невестка, не волнуйся, — тихо сказал Шэнь Хуэй. — Я ничего не разглядел.

Сказав это, он тут же подробно объяснил, что увидел:

— Зубы в порядке, внутри всё цело. Только кончик языка покраснел - видно, сильно прикусил.

Услышав, что во рту нет серьёзных повреждений, Лин Син наконец вздохнул с облегчением. Он поднялся на ноги:

— Тогда пойдём.

Шэнь Хуэй, сославшись на то, что нужно найти новую ветку, отошёл в сторону. Стоя спиной к Лин Сину, он опустил взгляд на правую руку, ту самую, которой только что прикрывал ему рот. На ладони осталась влага - слёзы, которые Лин Син не смог сдержать от боли.

Ресницы Шэнь Хуэя дрогнули. Он быстро сжал ладонь в кулак. В тёмных глазах всколыхнулись чувства, но в момент, когда он обернулся, они уже были полностью скрыты.

После полудня погода стояла на редкость хорошая: яркое солнце, тёплый, ласковый воздух. Цао Маньюэ и Сюй Юфан искупали двоих детей, а затем по очереди помылись сами. Пока одна мылась, другая дежурила у входа в кухню, сторожа дверь, чтобы кто-нибудь по незнанию не зашёл внутрь.

Мылись именно в кухне - так было удобнее носить горячую воду. После купания дверь распахнули настежь - пол кухни выходил прямо во двор, и вода на полу так высыхала быстрее.

Лин Син вытер волосы всем троим детям сухим полотенцем, а потом достал подаренную Ван Цзюнем книгу и стал учить их читать. Земля перед ними была вся исчерчена веточками - «каллиграфические шедевры» трёх малышей. Из этого хаоса можно было с трудом разобрать лишь иероглифы «一» (один) и «大» (большой). На самом же деле они пытались написать иероглиф «天» (небо).

Когда дети кое-как научились криво выводить иероглиф «Шэнь», очередь дошла до купания самого Лин Сина. Хотя геры и женщины одинаково могут рожать детей, между ними всё же есть различия. И пусть к герам не относятся с такой строгостью, как к мужчинам, определённой осторожности всё равно придерживаются. Как и говорила Сюй Юфан накануне, пока Лин Син мылся, за дверью должен был стоять Сяо У, такой же гер.

Цао Маньюэ собрала грязную одежду и пошла к реке стирать. Вещей было много, и Сяочунь с Сяося пошли с ней помогать. Сюй Юфан же осталась во дворе - сидела и штопала обувь.

Она закончила вышивку - завтра можно будет отнести работу и обменять её на новую. Про тканевые башмаки, обещанные Цао Маньюэ и детям, Сюй Юфан тоже не забыла. Она достала припрятанные лоскутки и принялась за дело. Для прошивки подошв нужен сапожный шило-крюк - железный инструмент, а потому недешёвый. Во всей деревне такие были всего у трёх семей. У семьи Шэнь своего шила не имелось: обувь шили раз в два-три года, и каждый раз инструмент брали взаймы.

— Сяо У, — сказала Сюй Юфан, — я схожу к старосте, одолжу шило. Ты смотри за дверью и никуда не бегай, понял?

Сяо У, которому было не с кем играть, скучающе ковырял пальцами мелкие камешки в земле.

— Знаю, мама.

Шэнь Хуэй тем временем вернулся с участка у подножия горы, где долго вскапывал землю. Он закатал рукава до локтей, обнажив крепкие, жилистые руки, и во дворе набрал воды, чтобы отнести Шэнь Гую и Шэнь Чэншаню - тем, кто работал в поле, нужно было попить.

Идею расширить огород, засадить его овощами, а потом возить урожай на продажу в город Шэнь Гуй воспринял всерьёз. Он даже выпросил помощи у Шэнь Хуэя - прицепился к нему, как ребёнок, тянул за руку, нараспев звал «вторым братом», пока тот не сдался и не согласился

помочь.

Едва Шэнь Хуэй вошел во двор, Шэнь Лай схватился за живот и со всех ног подбежал к нему.

— Второй брат! Второй брат! У меня живот болит, мне срочно в уборную! Старшая невестка моется на кухне, ты присмотри за дверью, ладно? Я быстро!

Терпеть он и впрямь уже не мог - даже не дождавшись ответа, сорвался с места и помчался за дом.

У входа в кухню Шэнь Хуэй прислонился к глинобитной стене. Слух у него был острый - он отчётливо слышал плеск воды внутри. Он поднял голову, глядя на чистое голубое небо и медленно плывущие облака, и будто перестал слышать всё на свете, кроме этого равномерного, тихого шума воды.

— Второй брат, ты вообще согласен или нет?! — донёсся сзади голос Шэнь Лая.

В уборную он сбегал быстро, но, вспомнив, как мать велела ему стеречь кухню, а он всё-таки отлучился, Шэнь Лай не знал, достанется ему за это или нет. На всякий случай он решил заранее попросить второго брата ничего не рассказывать.

А тот стоял, как деревянный столб: Шэнь Лай окликнул его дважды - без ответа. Пришлось потянуть Шэнь Хуэя за полу одежды.

— Второй брат, ты чего меня не слышишь?

— А? — Шэнь Хуэй наконец опустил взгляд. — Что ты сказал?

— Я говорю... не рассказывай маме, что я бегал в уборную и попросил тебя постоять у двери кухни.

Голос Шэнь Лая звучал слабо и неуверенно. Выражение лица у второго брата было каким-то пугающим, будто он сейчас кого-то съест.

Неужели он рассердился?

— Ладно, — коротко ответил Шэнь Хуэй.

Шэнь Лай на мгновение опешил: он уже приготовился к отказу, а второй брат вдруг согласился?

Проводив взглядом удаляющуюся спину второго брата, он радостно подпрыгнул на месте пару раз, а затем послушно уселся на маленькую табуретку сторожить дверь.

Лин Син мылся довольно долго. Когда он вышел, из-за нехватки воздуха голова у него слегка кружилась. Кожа у него была светлая, и в клубах горячего пара щёки налились румянцем. С длинных волос стекали капли воды, губы алые, зубы белые* - он выглядел свежим, чистым и удивительно притягательным.

(ПП: устойчивое выражение, описывающее классическую китайскую красоту)

Сюй Юфан прокалывала подошву обуви шилом. Услышав движение, она подняла глаза и невольно улыбнулась:

— Наш Син-гер и правда красавец.

Он ещё худоват, а уже видно, какой пригожий. А если чуть округлится, наберёт мяса, и вовсе будет загляденье.

Лин Син смутился от похвалы, и румянец на лице стал ещё ярче.

— Мам, я сначала вытру волосы, воду потом вынесу.

Сюй Юфан, не прекращая работы, отозвалась:

— Угу, знаю. Вытри как следует, не торопись, смотри, не простудись.

Простуда и жар в это время могли стоить жизни, лекарств, способных быстро сбить температуру, попросту не существовало.

Снаружи как раз поднялся ветер, и Лин Син был предельно осторожен: он не стал вытирать волосы на улице, а ушёл в дом. Лишь когда волосы высохли почти наполовину, он снова вышел.

Когда он собрался отнести воду обратно в кухню, Сюй Юфан сказала:

— Пусть эрлан поможет вынести воду и уберёт кадку под навес. А ты, Син-гер, ещё раз вытри волосы сухой тряпкой - снизу всё ещё капает.

Лин Син обернулся - как раз в этот момент Шэнь Хуэй выходил из-под навеса. Навес у семьи Шэнь был маленький, предназначенный для хранения сельскохозяйственных орудий. Деревянная кадка была слишком большой, в доме для неё не находилось места, поэтому её держали именно там. Обычно в неё складывали всякую мелочь, а когда нужно было набрать

воду, всё вынимали и кадку тщательно мыли.

Лин Син улыбнулся Шэнь Хуэю:

— Спасибо, эрлан.

Рука Сюй Юфан, прокалывавшая подошву обуви, на мгновение замерла. Она подняла взгляд сначала на Лин Сина: выражение его лица было совершенно спокойным. Затем посмотрела на Шэнь Хуэя. Тот выглядел так же невозмутимо. Он спокойно встретил её взгляд, и по его лицу невозможно было прочесть какие-либо чувства

Второй сын в семье с детства отличался спокойным, уравновешенным характером и редко показывал свои эмоции. Сюй Юфан это прекрасно знала и часто вздыхала с облегчением: хорошо, что второй такой рассудительный, с ним хлопот куда меньше.

Но сейчас ей, напротив, хотелось разглядеть хоть что-нибудь на его лице. И не потому, что она любила надумывать лишнее. Син-гер был человеком хорошим: живой, работающий, с лёгким нравом. Да и внешностью он не обделён, разве что сейчас худоват. В последние дни они вдвоём с утра до вечера вместе выходили торговать. Возможно, у Син-гера и не было никаких мыслей на этот счёт, но вот есть ли они у второго сына - в этом она уверена не была.

Ведь во время свадебного обряда именно второй сын заменил старшего и поклонился за него. Да и никогда прежде он не говорил ни о понравившейся девушке, ни о приглянувшемся гере. Этот ребёнок всегда держал мысли при себе, а что, если он что-то надумал не так?

Сюй Юфан не осмелилась выдать свои тревоги вслух. Она вновь опустила голову и продолжила прошивать подошву. Всё же поговорить с ним было необходимо.

Вечером, после ужина, она позвала Шэнь Хуэя к себе в комнату, сказав, что хочет отдать ему вышивку, чтобы утром в спешке не забыть. В комнате Сюй Юфан сидела на краю кровати, а аккуратно сложенные, уже готовые вышитые полотнища лежали рядом с ней.

Шэнь Хуэй был высоким и крепким, стоило ему войти, как комната сразу становилась теснее. Сюй Юфан и сама невольно занервничала: она боялась услышать ответ, которого не хотела бы слышать.

— Эрлан... — наконец заговорила она. — Мать хочет спросить тебя кое о чем.

Слова давались нелегко, но, начав, продолжать оказалось уже проще.

— Скажи... у тебя есть какие-то мысли насчёт твоей старшей невестки?

Шэнь Хуэй опустил глаза. В тот миг, когда он посмотрел на Сюй Юфан, он так же тщательно спрятал и чувства в своём взгляде.

— Никаких мыслей нет.

Сюй Юфан почувствовала, как в горле пересохло. Она вглядывалась в холодное, сдержанное лицо второго сына, пытаясь уловить хоть что-нибудь, хоть малейший намёк.

Но так ничего и не увидела.

— Тогда почему Син-гер вдруг перестал звать тебя «эрди» и начал говорить «эрлан»? Если бы он хотел так обратиться, делал бы это с самого начала. А тут ни с того ни с сего. Разве это не ты его попросил?

Шэнь Хуэй ответил ровным, спокойным голосом:

— Я значительно старше старшей невестки. Когда меня всё время называют «младшим», это неприятно режет слух. Потому я и попросил его сменить обращение и звать меня «эрлан».

Сюй Юфан неловко усмехнулась - выходит, она и правда всё надумала.

Хорошо, что надумала.

— Это моя вина, — сказала она. — Раньше я уже сталкивалась с таким, вот и испугалась. Зря тебя заподозрила.

Она поднялась, взяла вышитые лоскуты и сунула их Шэнь Хуэю в руки.

— Ты уже не маленький. Раньше семья была бедная, о женитьбе и речи не шло. Теперь можно и присматриваться. Скажи, эрлан, тебе больше по душе девушки или геры?

Шэнь Хуэй развернулся, сжимая в руках вышивку, и ответил коротко и прямо:

— Ни те, ни другие.

Сюй Юфан беспомощно вздохнула. Видно, она и правда только что обидела сына, вот он и отвечает сухо. Впервые такое, даже странно.

Ночью в кухонной пристройке было тихо.

В отделённой маленькой комнатке раздался сдавленный глухой стон. На простой лежанке из досок лежал высокий, крепкий мужчина. У висков блестел пот, красивое лицо слегка порозовело. Привычная холодная сдержанность была смыта ярким, жгучим желанием.

Чёрные глаза были плотно закрыты, скрывая ту бурю, что бушевала внутри.

На горной тропинке...

- Открой рот.

Шэнь Хуэй прижал грубую подушечку пальца к алым, влажным губам Лин Сина и стал продвигать его внутрь.

— Посмотрю, не повредил ли ты зубы.

Пальцы разжали ему рот, костяшки невольно скользнули по зубам, а кончик языка то и дело задевал шероховатую кожу.

Лин Син хотел заговорить, попросить Шэнь Хуэя прекратить и больше не смотреть. Но из-за движения губ палец лишь проник глубже. В следующий миг язык у самого корня оказался прижат, тонкая мозоль легла прямо на метку фертильности - грубо, болезненно.

— Что это?

Шэнь Хуэй чуть прищурился, не сводя взгляда с покрасневших глаз Лин Сина, влажных, дрожащих ресниц, мягких губ, подрагивающих от дыхания.

— Не трогай... нельзя трогать... Эрлан, ты... ты убери руку.

Когда к метке прикоснулись, Лин Син вспыхнул от стыда. Боль отошла на второй план, в голосе зазвучала почти мольба: лишь бы эта рука поскорее вышла, лишь бы он перестал осматривать.

Но Шэнь Хуэй явно не собирался его отпускать. Подушечка пальца сильно надавила, он приподнял губы в едва заметной усмешке.

— Открой и покажи, тогда уберу.

Нельзя. Нельзя показывать. Лин Син, подумав так, с силой сомкнул зубы и укусил Шэнь Хуэя за палец.

Когда он открыл глаза, вокруг была кромешная тьма. Шэнь Хуэй резко сел. Он не стал обращать внимания на окаменевшее тело, лицо его оставалось холодным и напряжённым. Он несколько раз с размаху ударил себя по щеке, но это не помогло. В итоге он просто сидел с открытыми глазами, не смея снова уснуть, пока на кухне не появилась Сюй Юфан, пришедшая готовить завтрак.

За едой Лин Син несколько раз украдкой посмотрел на Шэнь Хуэя. Причина была простая - ранка в уголке его рта слишком бросалась в глаза.

— На что ты смотришь, старшая невестка? — спросил Шэнь Хуэй, отставляя чашку и глядя прямо на него.

— Вот тут, — Лин Син указал на уголок собственных губ. — Ты как поранился?

Шэнь Хуэй ещё не успел ответить, как Сюй Юфан, услышав разговор, с улыбкой сказала:

— Во сне по лицу насекомое проползло, а он не рассчитал силы, сам себя и шлёпнул.

Кухня стояла у подножия горы, так что всякой живности там хватало. Зимой их почти не было, но стоило немного потеплеть, и насекомые тут же объявлялись.

Лин Син, представив себе описанную Сюй Юфан картину, тихо усмехнулся.

Вернувшись после торговли, он прихватил специально отложенные баоцзы, маньтоу и фагао и зашёл к Се Цинья.

— Цин-гер, а тот порошок от змей - он и насекомых отпугивает?

— Конечно отпугивает. Я как раз собирался занести тебе немного. У вас дом у подножия горы, сейчас как раз время, когда всякая живность начинает выползать. Пяти пакетиков хватит?

— Хватит, вполне, — закивал Лин Син.

Се Цинья передал ему заранее приготовленный порошок и заодно рассказал, что уже отдал портрет Лин Юэ хозяину книжной лавки. Тот пообещал: через пять дней, когда поедет в уезд, передаст портрет тамошнему лавочнику, а на обратном пути специально заедет и в Юэвань.

Просить людей о помощи - дело, больше всего изматывающее человеческие связи. Лин Син сказал:

— Мне нечем отблагодарить чем-то по-настоящему ценным. Как думаешь, если я сделаю фагао

и отнесу тому лавочнику, это будет уместно?

— Конечно уместно, — рассмеялся Се Цинь. — Твой фагао такой вкусный, как тут может быть неуместно?

Вернувшись домой с порошком, Лин Син оставил себе два пакетика, а оставшиеся три отдал Шэнь Хуэю.

— Эрлан, Цин-гер сказал, что он и от насекомых помогает. Вечером посыпь у кровати и у окна.

Лин Син невольно уставился на ссадины у Шэнь Хуэя в уголке губ и на щеке, нахмурился - даже глядя на них, было больно за него.

— Ты уж слишком не жалеешь силы, — пробормотал он.

— Хорошо, — коротко ответил Шэнь Хуэй и, взяв порошок от змей, ушёл в комнату.

Он вертел в пальцах пакетик с лекарством, полученным от Лин Сина благодаря одной-единственной лжи. В уголке рта тянуло и ныло. Но эта боль как будто слегка притупляла его постыдные, недопустимые мысли.

Получив одобрение Се Цинья, на следующий день Лин Син нарочно купил побольше сахара и муки и приготовил пять цзиней фагао, чтобы отнести их хозяину книжной лавки. Узнав, кто он такой и по какому делу пришёл, лавочник с улыбкой принял угощение.

Он и так собирался помочь, скорее из уважения к Ван Цзюню, и вовсе не рассчитывал получить от Лин Сина что-нибудь взамен. Но теперь, получив благодарность в виде угощения, он всё равно почувствовал искреннюю радость.

Когда Лин Син ушёл, лавочник отломил кусочек фагао и попробовал. Честно говоря, к этому неизвестному лакомству он изначально отнёсся без особого интереса и не ожидал, что деревенский парень способен приготовить что-то по-настоящему вкусное.

Он и не ожидал, что откушенный из простого любопытства кусочек окажется таким вкусным. Не приторный и не тяжёлый, мягкий, нежный, с приятной тягучей текстурой - фагао пришёлся ему точно по вкусу. Ещё минуту назад хозяин лавки подумывал раздать угощение работникам, но, распробовав, тут же отказался от этой идеи: он решил унести фагао домой, чтобы дать попробовать и своим.

Дни шли один за другим, а о Лин Юэ по-прежнему не было никаких вестей. Зато жизнь семьи Шэнь с приходом весны стала понемногу налаживаться. Цао Маньюэ и Сюй Юфан с утра до вечера ходили в горы за дикими травами - сейчас они были особенно нежными и вкусными, самое лучшее время.

Лин Син тоже ввёл новинку - баоцзы с начинкой из диких трав. Каждый раз, заходя к мяснику, он получал от У Дали маленький кусочек сала. Дома его мелко нарезали, вытапливали жир и вмешивали в травяную начинку, чтобы добавить вкуса. Так получалось куда вкуснее, чем просто дикие травы с солью. Такие баоцзы продавались по пять вэнь за две штуки и пользовались хорошим спросом.

В последний день месяца пришло время подводить итоги и делить прибыль.

До начала продажи фагао чистая прибыль составила тысячу триста сорок восемь вэнь. За первые десять дней после появления фагао чистый доход достиг двух тысяч семисот тридцати вэнь, а в следующие шесть дней, после добавления баоцзы с травами, ежедневная прибыль увеличилась ещё на пятьдесят вэнь - всего набралось тысяча девятьсот тридцать восемь вэнь. За этот месяц общая прибыль составила шесть тысяч шестнадцать вэнь, то есть ровно шесть лян серебра.

Как и договаривались раньше, по 10% полагалось Шэнь Хуэю и семье. Подсчитав всё, Лин Син дал Шэнь Хуэю на 10% больше. Шэнь Хуэй вставал каждый день затемно, помогал ему без отдыха, вся тяжёлая и грязная работа лежала на нём. Отдать за это лишь одну долю Лин Син просто не мог, совесть не позволяла.

Округлив суммы, семье он выделил шестьсот два вэня, а Шэнь Хуэю - тысячу двести четыре вэня.

В местах, где дневной заработок обычно колебался от пятнадцати до тридцати вэнь, месячный доход в шестьсот с лишним вэнь уже считался очень хорошим. К деньгам, отданным семье, Лин Син также прибавил медяки за ткань, уголь и глиняный котёл, которые покупались для него ранее. В итоге вышла одна тысяча сто двадцать вэнь.

Шэнь Чэншань и Сюй Юфан, держа в руках связки монет, чувствовали себя неловко, им казалось, что они ничего толком не сделали, а деньги получили. Когда всё только начиналось, они и представить не могли, что сумма выйдет такой большой.

— Мы ведь и не думали, что ты будешь возвращать те деньги, — сказала Сюй Юфан. — Да и сделали мы совсем немного, брать целую долю как-то совестно. Может, поменьше?

Лин Син мягко ответил:

— Я хотел их вернуть. Тогда в доме было тяжелее всего, а вы всё равно нашли деньги, чтобы я смог начать торговать. Если я этого не сделаю, каким же человеком я буду?

— И ещё, мама, — продолжил Лин Син. — Ты ведь каждый день встаёшь ни свет ни заря, готовишь нам с эрланом еду. Как это можно назвать «ничего не делали»? Потом ещё столько диких овощей накопала для начинки. Я ем и пью за счёт семьи, в поле ни разу не работал - всё отец за меня делал. Эти деньги я просто обязан отдать.

Лин Син успокоил стариков и настоял, чтобы они приняли деньги. С Шэнь Хуэем всё оказалось проще - Лин Син почти не уговаривал его, лишь сказал, что если тот не возьмёт свою долю, ему самому потом будет неловко каждый день просить нести такие тяжести. Заодно он вернул и те восемьсот вэнь, вырученные когда-то за проданные волосы.

После раздела денег у самого Лин Сина осталось две тысячи девятьсот десять вэнь. Прибавив к ним неистраченный ранее лян серебра, он теперь располагал почти четырьмя лянми. Уже на следующий день он купил больше муки и приготовил баоцзы и маньтоу, чтобы разнести их торговцам на улице Танфэн. Он попросил их приглядываться к детям примерно одного возраста с Лин Юэ. Каждому торговцу он отдал по четыре баоцзы и четыре маньтоу - горячие, пышные, мягкие. Люди охотно соглашались помочь: всего лишь иногда обращать внимание - дело нехитрое, а за такое угощение и вовсе приятно.

Дела у прилавка с баоцзы постепенно вошли в колею: место было постоянным, появились и постоянные покупатели. Раньше Лин Син подумывал выходить торговать и на сельские ярмарки, но в итоге так ни разу и не решился. За участие в ярмарке нужно было сразу платить дневную плату за место, а цены на баоцзы и маньтоу он уже не мог опускать. Лин Син опасался, что просто не отобьёт затраты, и потому отказался от этой идеи. Гораздо надёжнее было продолжать спокойно торговать в городе.

С потеплением Шэнь Хуэй стал ещё более занят. Утром - на рынок, днём он забегал домой перекусить, а затем снова уходил в горы. Возвращался он обычно лишь тогда, когда дома уже почти заканчивали ужин. Лин Син боялся, что тот не выдержит такой нагрузки. Поэтому, помимо мясных баоцзы по утрам, он обязательно оставлял для Шэнь Хуэя ещё баоцзы, маньтоу и фагао, чтобы тот брал их с собой в горы.

За средством от змей к Се Цинъя он стал заходить всё чаще. В конце концов Се Цинъя начал подшучивать над ним:

— Да он у тебя, гляди, скоро насквозь пропитается этим порошком от змей.

Лин Син только смеялся в ответ:

— На всякий случай.

Надо сказать, охотником Шэнь Хуэй был отменным. Почти через день ему удавалось добыть дичь, и по утрам, отправляясь в город, он заодно продавал её. Лин Син вспомнил, что в первые дни после своего переселения на нём была тёплая меховая накидка - именно та, что Шэнь Хуэй сшил из шкур добытых им зверей.

Он и сам не знал, из-за ли постоянной беготни и тяжёлой работы, но по утрам, когда они с Шэнь Хуэем выходили торговать, Лин Син всё отчётливее замечал: тот стал куда более молчаливым. Раньше Шэнь Хуэй сам заговаривал, иногда улыбался, мог перекинуться парой шуток. Теперь же он отвечал только тогда, когда к нему обращались, и не более того.

Лин Син видел тёмные круги под его глазами и понимал, насколько тот вымотан. Он начал подумывать, не нанять ли кого-нибудь в помощники.

Одиннадцатого числа третьего месяца был день рождения Шэнь Лая.

Закончив торговлю, Лин Син купил сахару и муки. В корзине за спиной лежал и кусок свежей свиной грудинки с прослойками жира и мяса: утром он зашёл на мясной рынок специально для этого, собираясь приготовить Шэнь Лаю что-нибудь мясное в честь праздника.

Утром Шэнь Лай наконец-то поел ту самую лапшу, о которой мечтал.

Лин Син специально оставил для этого хорошую муку: лапша получилась упругой и гладкой, приятно скользила во рту. Сюй Юфан добавила в неё свежую, нежную дикорастущую зелень, а ещё выменяла два яйца и аккуратно вбила их прямо в кипящую лапшу.

У Шэнь Лая глаза покраснели - он уже решил, что в этом году на день рождения лапши ему не видать. А тут не только лапша, но ещё и с яйцами.

Но главный сюрприз ждал его вечером. Шэнь Лай получил большой белый маньтоу. Он откусил, и внутри оказалась сладкая тягучая начинка.

Сладко! Мягко!

Сладких маньтоу Лин Син сделал всего шесть: каждому из троих детей по две. Кроме того, он приготовил хуншао - тушёную свинину в красном соусе. Куски мяса были нарезаны крупно, долго томились до полной мягкости: жир таял на языке, вкус был сладким, но совсем не приторным. Шэнь Лай был в восторге, он влюбился в это блюдо окончательно. Он не оставил ни капли соуса, макал в него белый маньтоу и ел так увлечённо, что едва не объелся.□□

После ужина Шэнь Лай почувствовал, что за сегодняшний день ему уже досталось столько радости, сколько не было ни в один другой его день рождения. И тут он совсем не ожидал, что его старшая невестка достанет ещё и красивую светло-голубую ленту для волос.

— Сяо У, ты ведь говорил, что твоя лента серая и некрасивая. Нравится эта? Это тебе в подарок ко дню рождения.

Шэнь Лай не стал брать ленту. Он вдруг всхлипнул, глаза мгновенно покраснели, и он с разбега бросился к Лин Сину, крепко обняв его. Уткнувшись в него, он всхлипывал и плакал.

— Старшая невестка, ты такой хороший! Ты будешь моей старшей невесткой всю жизнь!

Для Шэнь Лая всё было просто: если Лин Син - его старшая невестка, значит, к нему будут

относиться хорошо. Он хотел такую старшую невестку, хотел этого ощущения быть кому-то дорогим, быть тем, о ком помнят и заботятся. Потому эти слова и вырвались сами собой.

Дети говорят от чистого сердца, не задумываясь о последствиях. А вот Сюй Юфан, услышав эти слова, невольно вздрогнула. Она испугалась, что Лин Син может неправильно понять, будто семья Шэнь хочет удержать его, не дать впоследствии снова выйти замуж. Она уже протянула руку, собираясь оттащить Шэнь Лая и объясниться с Лин Сином.

Но не успела она сделать и шага, как увидела: Лин Син, погладив Шэнь Лая по голове, мягко улыбнулся и сказал:

— Хорошо.

Ему и правда нравилась семья Шэнь. Если так жить и дальше - разве это плохо?

О том, о чём подумала Сюй Юфан, Лин Син даже не задумывался.

Домочадцы Шэнь, услышав его слова, невольно посмотрели на него и тут же отвели взгляды. У Шэнь Чэншаня и Сюй Юфан зацепило в носу: воспоминания о покойном сыне нахлынули сами собой, и удержать их было невозможно. Вот если бы старший был жив... Такой хороший супруг ему достался, как же это жаль.

Неподалёку Шэнь Хуэй, взглянув на Лин Сина, едва заметно пошатнулся, затем тихо развернулся и ушёл в дом.

<http://bllate.org/book/13938/1324360>